

В Таллине закончились малые гастроли Московского академического театра имени Моссовета, который показал нашему зрителю три спектакля — «Тема с вариациями», «Эдит Пиаф» и «Двери хлопают». С этими гастролями также тесно связаны концерты режиссера и актера этого театра СЕРГЕЯ ЮРСКОГО.

— «Тема с вариациями», которую вы поставили, идет уже семь лет. И даже вы сами успели за это время сыграть в этом спектакле две роли — сначала молодого адвоката Игоря Михайловича, затем мэтра, Дмитрия Николаевича. Вообще он был поставлен на других актеров, а теперь играет новый состав — это говорит о том, что театр намеренно сохраняет в своем репертуаре «Тему с вариациями».

— Я вообще легко отношусь к тому, что спектакли проживают свою жизнь, что они не вечны и не должны быть вечны. В театре должно быть обновление, и не надо держать спектакли искусственно. Мы не опера, где поставили, допустим, Верди на какого-то знаменитого маэстро — он и поет всю жизнь, а потом еще и сын его сменит в той же партии... Драма — совсем другое. Драма должна давать новые идеи. Не надо забывать старое, но главное все-таки в жизни нашей — движение. И движение должно начинаться с каждого сегодняшнего дня.

Что же касается «Темы с вариациями», то спектакль этот берегут актеры, да и пьеса на трех человек театру нужна. Все, наверное, знают, что спектакль ставился для Ростислава Плята, он играл в нем шесть лет, и когда по болезни вышел из него, то театр решил, что «Тема...» не должна исчезнуть с афиши. И появился второй вариант, который даже освежил наше собственное ощущение от спектакля. А недавно появился третий — в Японии, где я поставил «Тему с вариациями» со знаменитой японской актрисой Комахи Курихара. Скоро японские артисты будут показывать этот спектакль в Москве, на сцене нашего театра и в наших декорациях. И мне самому интересно, что из этого получится.

— Зная вашу привязанность к острому сценическому рисунку, склонность к парадоксальности, к импровизационной стихии, трудно было бы предсказать, что именно «Тему с вариациями» вы будете ставить трижды, не говоря уж о том, что эту пьесу Алехина вы выберете и для московского дебюта?

— То, что вы назвали, от меня никуда не ушло, и, надеюсь, не ушло из спектакля. Все это реализовано во вставках — из Боккаччо, «Перед заходом солнца» Гаушмана, «Сирано де Бержерака» Ростана. Вставки были придуманы для Плята, чтобы к его 70-летию юбилю дать зрителям насладиться максимальным количеством оттенков его уникального дара. Надеюсь, и в спектакле по пьесе Островского «Правда — хорошо, а счастье — лучше», который я поставил с великой Фаиной Раневской, тоже есть острота, коль он вызвал бурю противоречивых рецензий и мнений. И в «Похоронах в Калифорнии»... Этот спектакль был закрыт, он родился в неудачное время, вернее раньше своего времени. И в «Орнифле», премьера которого состоялась только что, много именно того, о чем вы говорите — остроты, импровизации, парадоксальности, — к этому располагает сама пьеса Жана Ануя.

— Вам хорошо живется в Москве?

— Хорошо. Я Москву люблю.

«ДРАМА ДОЛЖНА ДАВАТЬ НОВЫЕ ИДЕИ»

Наш собеседник — заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский

— А не скучаете по Ленинграду?

— Не надо держаться за прошлое. Ленинград — помню. Мне нравятся слова приехавшего в нашу страну восьмидесятилетнего Романа Яковсона — на его лекции о структурализме пришлось много записок с просьбой рассказать о Маяковском, а он сказал: «Я не буду на них отвечать. Мое будущее не длинно. Но я живу им». И вообще тоска не то чувство, которое надо в себе культивировать.

— А какое чувство надо в себе культивировать?

— Широкое зрение. Постараться понять, что нового, что интересного вокруг. С возрастом это дается все труднее и труднее. И нужно немножко заставлять себя смотреть вокруг. И в жизни, и в искусстве. Тем более сейчас, когда самое главное для нас всех — перестройка театра, острая нужда сделать театр более живым, более мускулистым.

— Вы полагаете, к этому есть реальные предпосылки?

— Я полагаю, есть. Смотрю на зрителей, слушаю их реакцию на места в тексте, казавшиеся еще недавно недопустимо острыми, — реакция более раскованная. Смотрю телевидение — другая интонация. На театральном съезде — тоже другой шум, другие разговоры в зале, с трибуны, за столом... Лица другие... Люди начинают ощущать, что от них что-то зависит. Важно, чтобы это использовалось, не оставалось в сфере слов. Но есть опасность: когда раздвинутся стенки — пожадуйста! — может оказаться, что человек-актер, режиссер, все равно — был способен только жаловаться. Нужно быть готовым к свободе. Нужно взять на себя ответственность. Пора перестать ждать: «Что они там еще сделают?». Пора понять: они — это мы. И что мы сделаем, то и останется, а что нет — то опять будет наша вина.

— Вы много думаете об этом?

— Лет десять назад я написал повесть, которая ле-

жала камнем. — «Повесть семидесятих годов». Это то самое время, которое мы сегодня переосмысливаем. Эти годы были бедой и виной нашего поколения, я подчеркиваю — виной. Мой герой — человек с пульсом 50 ударов в минуту, человек с медленным пульсом, талантливый человек, у которого были вроде бы все возможности, и в жизни его ничего страшного не происходило. Однако скованность, идущая от фальши жизни, делает человека бескрылым, бестемпераментным.

— Сейчас вы будете ее издавать?

— У меня в жизни есть еще и кино. Конечно, в свободное от театра время. Думаю о кино как об очень серьезной перспективе, может быть, неблизкой. Но хочется думать о кинорежиссуре — я шел к ней долго, медленно, неторопливо. Об этой повести своей веду переговоры с «Мосфильмом».

— А сами вы сейчас снимаетесь?

— Скоро на телеэкраны выйдет трехсерийный «Звездочет». Сейчас снимаюсь в фильме «Конец вечности» по Азимову.

— Любите фантастику?

— Не очень люблю. Люблю элементы фантастики. Чистая фантастика очень условна. Элементы внутреннего мира человека не менее фантастичны, чем придуманные схемы будущего человечества. И у меня в задуманной картине — попытка показать внутренний и внешний слои жизни — как два фильма, идущие одновременно. А в целом — это попытка анализа этого времени, времени семидесятых.

— К которому вы будем возвращаться и возвращаться...

— И еще один повод вернуться к этому осмысленно у меня нашелся здесь, в Таллине. Я встретил здесь своего сокурсника Андрея Дударенко. Очень талантливый,

тонкий человек, он после института прошел длинный путь провинциального актера. Он переменил много городов. И край — юг, север. Он неуживчивый актер — в том смысле, в каком бывает неуживчив талант. Сейчас он уже несколько лет работает в Таллине, в Русском драматическом театре. Мы записали здесь с ним передачу на телевидении — встреча однокурсников через тридцать лет, разговор о судьбе курса. Разговор о судьбах. Не только наших, но о судьбах поколения, о трудностях, которые оно прошло и продолжает проходить.

— Но вы помните, что это не первая ваша запись на Эстонском телевидении?

— Помню. Как помню все, что связано у меня с Таллином.

— А что вас связывает с Таллином?

— Первый выезд в студенческие времена. В Таллин, на Певческий праздник! Это сейчас все знают, что это такое, — видели телепередачи, фильмы, слушали записи. А в 54-м году это было что-то необыкновенное! Тогда я вел по-эстонски программу нашего студенческого хора. Были в Таллине, в Тарту, жили вповалку в общежитии и были счастливы! Незабываемо! Оно осталось, это чувство. Потом был в Таллине с ВДТ — с «Эзопом». Почти все свои программы показывал здесь, в Доме офицеров, и выезды сюда были довольно регулярны. И кино не раз приводило сюда на съемки. И — памятный тамсаарский фестиваль, когда запомнились и спектакли и стили общения, строгий и добрый. Связь с эстонскими актерами и режиссерами: Ирд, Микивер, Нормет, Тооминг, Васкин. Это все не просто имена в газете — это живые жизни, приязнь и интерес друг к другу. Далеко не со всеми городами есть такая связь, когда можешь назвать имена — и увидеть перед собой людей. Людей, которые на всю жизнь отпечатались в памяти. Пансо, с которым дружили... Все в памяти. Бумаг — нет, а память — есть.

— А что касается будущего?

— Конкретно связанного с Таллином? Намечаем приехать сюда 25 мая, хотя многое зависит от реальной жизни театра, не будет ли в это время гастролей. А именно этот день — потому что в рамках музыкальной недели памяти Георга Отса театр «Эстония» хочет устроить Пушкинский вечер. Кроме того, долги: хочу посмотреть «Цвета облаков», поставленные Микивером, вильяндский театр, гастроли которого в Москве пропустил по объективным причинам. Кроме того — Тартуский университет, с которым давно ведем переговоры насчет концертов. Возможность встречи с профессором Лотманом, чья лекция в Москве, его часовая споконная речь о Пушкине — одно из самых сильных моих впечатлений года. Я давно не был в Таллине и очень рад, что малые гастроли нашего театра восстановили связующую нить. Я бы хотел, чтобы она не рвалась.

Беседу вели
Э. АГРАНОВСКАЯ,
Э. КЕКЕЛИДЗЕ.